
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Все попытки дать некую типологию благотворительных организаций, возникших в эмиграции в период между двумя мировыми войнами, неизменно упираются в вопрос о том, что представляла собой русская диаспора, какова была ее численность, как много благотворительных организаций в интересующий нас период было создано и каковыми были основные направления их деятельности.

Поэтому для начала попытаемся дать самые общие ответы на поставленные вопросы. Во-первых, обратимся к тому, что представляли собою эти люди, которые в большинстве своем лишь волею судьбы или случая оказались за пределами родины.

Русские эмигранты 1920–1930-х гг. были настоящим *обществом* в изгнании. Почему они не превратились в *группу* людей, спасшихся бегством из страха политических преследований?

Похоже, что этому способствовало множество факторов, наиглавнейшим из которых являлась социальная представительность, хотя и в несколько измененном соотношении, чем это было в России. За рубежом в результате различных потрясений первых десятилетий XX в. оказались представители почти всех социальных слоев дореволюционного русского общества. Сообщество эмигрантов состояло не только из представителей бывшей правящей элиты, интеллектуалов, но и мелкой буржуазии, ремесленников, рабочих и служащих, а также казачества. Помимо социальной разнородности можно отметить также отсутствие единства среди русской эмиграции по этническому и конфессиональному признакам, с одной стороны, и ее сознательное стремление независимо от происходящего и религиозных убеждений вести привычный русский образ жизни — с другой. Конечно, сложившееся общество было несколько искаженным и неполным, отличалось от того, которое на протяжении веков складывалось в России, но, тем не менее, эмигранты воспринимали себя представителями единого общества.

Возникновение общества эмигрантов — одно из последствий поражений белых армий в 1919–1921 гг. и установления новых границ Российской Федерации по Рижскому мирному договору (1921 г.). Несомненно, что формирование обще-

ства в изгнании продолжалось и позже. Поэтому численность эмиграции более или менее устоялась лишь примерно к 1928 г., когда прекратился массовый исход беженцев из России, когда общее количество людей, оказавшихся вдали от родины, менялось уже незначительно, преимущественно за счет тех, кому удавалось чудом бежать из тюрем и лагерей, а также «невозвращенцев» — работников различных советских учреждений за рубежом и членов их семей. К этому времени постепенно сформировалась и «политическая карта» эмиграции. Например, политика Польши, Румынии и Латвии привела к массовому оттоку русского населения из этих стран, японское вторжение в Китай почти полностью опустошило русский Харбин. Такое же влияние на «карту» эмиграции оказали более поздние события — приход к власти в Германии фашистов и немецкая оккупация Чехословакии, положившие конец русской академической, литературной и художественной жизни в этих странах. Довершило все это начало Второй мировой войны, которое в сильнейшей степени повлияло на жизнь эмиграции во Франции.

Естественно, что некоторые города и страны играли для эмигрантов большую роль, чем прочие, не из-за численности в них русского населения, хотя, несомненно, некая «критическая масса» необходима была в любом случае. Центрами притяжения являлись энергичные, творчески активные люди, продолжавшие, несмотря на все превратности судьбы, вносить свой вклад в развитие русской культуры, образования, науки, книгопечатания. Крупнейшими центрами Русского зарубежья в межвоенный период были Берлин, Париж, Прага, Харбин. На некоторое время таковыми стали также Белград, Рига и София. Можно сказать, что в Русское зарубежье перешла устоявшаяся в Российской империи традиция, согласно которой лишь столицы и небольшое число других городов создавали тот культурный потенциал, который воспринимался затем на бескрайних просторах российской провинции.

Хронологические рамки нашего исследования определены не столько как окончание Первой мировой войны и начало Второй, а в соответствии с тем, каково было положение эмигрантов в странах, принявших их. Нижняя граница хронологических рамок — возникновение общества в изгнании, верхняя — 1939 г. — начало Второй мировой войны и, на наш взгляд, соответственно, его исчезновение. Однако последнее произошло не потому, что русская диаспора была истреблена, а потому, что в ходе войны произошла почти полная интеграция эмигрантов и их потомков, принявших участие в войне, в общества тех стран, где они проживали. В результате этого эмигранты и их потомки во втором поколении, во многих случаях не отказываясь от русского языка и культуры, стали ощущать себя обычными гражданами этих стран.

Рассматриваемому периоду — 1920–1930-м гг. — посвящены немногочисленные монографии¹ и множество статей, в которых предпринята попытка воссоздания истории отдельных центров русской диаспоры в указанный период. Известная на сегодняшний день источниковая база подразумевает возможность написания более полных и обобщающих исследований о жизни эмиграции.

Особенности отъезда в эмиграцию определяли своеобразие различных групп эмигрантов в новых местах их проживания. Можно утверждать, что за исключением тех немногих, которые покинули Россию в течение 1917 г., и столь же немногих, уехавших непосредственно после захвата власти большевиками, пик

эмиграции пришелся на период, когда стали очевидными результаты гражданской войны. Основной контингент среди этих беженцев составляли военные, потерпевшие поражение от Красной армии. В большинстве случаев для них переход границы или эвакуация морем были, как они тогда предполагали, лишь временным отступлением, необходимым для перегруппировки сил в целях борьбы с советской властью. Поэтому первое убежище эмигрантов редко когда становилось для них местом постоянного проживания. Существование подобных ожиданий означало, что не всегда можно было определить, кто был собственно эмигрантом, не желающим возвращаться на родину, а кто интернированным или военнопленным Первой мировой войны, ожидавшим репатриации. Некоторую сложность в определении статуса имело и то, что во вновь образованных на границах Советской России лимитрофных государствах исторически проживали довольно многочисленные группы русского населения, преимущественно крестьян.

Некоторые беженцы из числа гражданских лиц, значительную часть которых составляли жены и дети офицеров белых армий, сумели вывезти с собой кое-какое имущество, как правило, драгоценности и семейные реликвии. Этим они на некоторое время могли обеспечить свое существование. Первоначально все усилия, предпринимавшиеся русскими и их союзниками, преследовали преимущественно цели оказать помощь больным, раненым и детям и переселить беженцев туда, где они могли бы обрести экономическую независимость. При поддержке ряда зарубежных благотворительных организаций началось расселение беженцев из стран, где они оказались сразу после бегства, по различным странам Центральной и Западной Европы.

Для нас одним из важнейших является вопрос о том, какое же количество людей оказалось за пределами Советской России, сколько из них стали частью Русского зарубежья. Однако, к большому сожалению, мы не располагаем точными цифрами о численности Русского зарубежья. Существует, по крайней мере, несколько причин нашего незнания. Первая — отсутствие точных записей о количестве беженцев, относящихся ко времени массового исхода из Советской России. Оно объясняется как, во многих случаях, нелегальностью выезда и въезда, получения паспортов, виз, видов на жительство, разрешений на трудоустройство, так и тем, что организации, созданные в этот период беженцами и эмигрантами, были достаточно примитивны и вовсе не стремились вести точные и скрупулезные записи статистического характера. Вслед за некоторыми нашими предшественниками², мы склонны полагать, что наиболее точные данные собраны воедино в книге Дж. Симпсона³, который опирался на цифры обзора (1937 г.), подготовленного им и его сотрудниками по поручению Королевского института международных отношений в Лондоне. Основным источником, из которого составители указанного обзора черпали данные, были все доступные им документы (списки Красного Креста по распределению помощи, записи различных организаций беженцев, официальная статистика стран, предоставивших убежище беженцам, документы Лиги Наций, материалы, предоставленные специально назначенными для сбора информации корреспондентами и т. д.). Однако следует отметить, что данные, содержащиеся в итоговой части документа, по разным причинам нельзя назвать ни правильными, ни точными, ни беспристрастными.

Первыми на помощь беженцам и эмигрантам приходили такие международные организации, как Красный Крест и его национальные отделения, в особен-

ности американское и русское, которые начали свою деятельность еще во время войны. Известно, что Русское общество Красного Креста было распущено советским правительством в 1918 г., но восстановлено за рубежом в 1920 г., когда его уполномоченным в Варшаве стал барон Врангель, установивший связи с организацией Красного Креста в Женеве. Главное управление воссозданной организации находилось в Париже, а ее участие в судьбах беженцев и эмигрантов ощущалось не только на территории всей Европы, но и на Дальнем Востоке⁴. Основными видами деятельности Русского Красного Креста на начальных этапах существования за рубежом были содействие в эвакуации мирных граждан и военных из Крыма, из Польши и Прибалтики, а некоторые расходы по материальной поддержке военнопленных и беженцев, находившихся в специальных лагерях, принял на себя Международный Красный Крест. Однако постепенно забота Русского Красного Креста о физическом состоянии людей переросла в заботу об их душевном здоровье, в стремление сохранить накопленный интеллектуальный потенциал русской диаспоры.

Решение этих задач составляло главное содержание деятельности Американского христианского союза молодых людей (ИМКА) и Всемирного христианского студенческого движения, которые снабжали всех нуждающихся литературой для чтения и учебными пособиями. Другие организации занимались оказанием помощи студентам, собирали и распределяли средства для выплаты зарплат преподавателям и стипендий, тесно сотрудничали с Ассоциацией помощи русским студентам-эмигрантам (*Association d'aide aux étudiants émigrés russes*), работавшей в Париже под руководством М.М. Федорова. Средства на эту деятельность они получали от французского правительства и филантропических учреждений, проведения благотворительных мероприятий. Деятельность организаций, ставивших перед собой цель помочь студентам-эмигрантам и беженцам, приобретала особый смысл, так как разобщенность, изоляция, бедность студентов-эмигрантов не создавали предпосылок для формирования студенческих землячеств. Вместе с этим указанные организации постепенно включались в более широкое движение по оказанию материальной помощи беженцам. Например, ИМКА стала заниматься распределением среди беженцев из России и военных репатриантов одежды и питания. Эта организация ставила вопрос даже о том, чтобы содействовать русским в удовлетворении их культурных запросов.

Однако ведущая роль в оказании помощи голодающим принадлежала все же Американской администрации помощи (АРА) — организации, созданной по инициативе Герберта Гувера еще в годы мировой войны.

Помимо этого отдельные иностранцы, имевшие интересы в России, по различным причинам связанные с ней, самостоятельно предпринимали шаги по оказанию помощи. Комитеты помощи беженцам создавались в США, Великобритании и целом ряде других стран. Например, русские беженцы в Турции и Болгарии получали весьма весомую помощь от пожертвований Томаса Уиттемора, известного своими работами по воссозданию мозаик храма Святой Софии в Стамбуле. Уиттемор предоставил средства на учреждение нескольких стипендий для молодых эмигрантов.

Некоторые русские эмигранты, а также иностранцы со средствами часто делали целевые пожертвования. Так было, например, в случае с образовавшимся в Германии Американским фондом содействия русским писателям и ученым.

Лига Наций, созданная после Первой мировой войны, сразу же столкнулась с проблемой беженцев: русских, армян, греков и турок, и назначила своим верховным комиссаром по делам беженцев известного норвежского полярного исследователя Фритьофа Нансена, который изыскивал различные возможности для оказания помощи беженцам.

Материальную помощь, хотя и более скромную, чем та, которую могли предоставить отдельные правительства, оказывали Международный Красный Крест и Русский Красный Крест. Поэтому основной задачей Комитета Нансена было обеспечение правовой защиты беженцев, содействие их переезду на новое место жительства и обустройству эмигрантов на первых порах.

Русский Красный Крест при оказании помощи беженцам использовал средства, хранившиеся за границей и вывезенные из страны белыми армиями. Дело в том, что в первые годы эмиграции русские продолжали оставаться под официальной защитой российских посольств, так как большинство стран не признавало советскую власть и сохраняло дипломатические полномочия послов, назначенных царем или Временным правительством. Дополнительные средства поступали также с банковских счетов русских посольств за рубежом, которыми распорядилась финансовая комиссия при Сопревещании послов в Париже до тех пор, пока страна, в которой посольство находилось, не признавала советское государство⁵. Кроме того, в некоторых случаях посольства могли пользоваться частью кредитов, выделенных царскому правительству, или государственной собственностью России, находившейся за границей. С 1925 г. Красный Крест стал практиковать сборы средств среди русских за рубежом и в основном сосредоточил свое внимание на больных и раненых, бывших военных. После того, как беженцы расселились по странам, Русский Красный Крест продолжал поддерживать больницы, дома инвалидов для бывших военнослужащих и сиротские приюты⁶.

После дипломатического признания Советского Союза отдельными странами бывшие послы России в них вынуждены были освобождать помещения посольств, распускать свой персонал и прекращать деятельность. Это крайне осложняло жизнь эмигрантов, так как лишало их официального представительства и защиты, ведь советские посольства отказывались представлять их интересы в данной стране. Поэтому повсеместно за рубежом возникали общественные учреждения, занимавшиеся делами русских беженцев. Во главе этих учреждений, как правило, стояли дипломатические представители добольшевистских правительств. Например, Русское бюро (Office Russe) в Париже возглавлял бывший посол Временного правительства во Франции В.А. Маклаков, а бывшие консульства в Ницце и Марселе стали региональными отделениями Бюро, которое удостоверяло юридическую силу документов, выданных властями Российской империи и Временного правительства, выдавало свидетельства о рождении и о браке взамен утраченных. Эти документы признавались и французской администрацией, и судами. Иногда, в случае необходимости, Русское бюро представляло интересы эмигрантов во французских судах по гражданским делам и в различных министерствах. Аналогичные организации существовали также в ряде других европейских стран. В Германии, например, после подписания Рапалльских соглашений было основано Бюро ответственного по делам русских беженцев (Vertrauensstelle für russische Flüchtlinge). Аналогичная организация (Russian Bureau), в противовес Russian Soviet Bureau, существовала и в США⁷.

О благополучии беженцев в Финляндии заботились финский Государственный центр помощи беженцам (Valtion Pakolaisavustuskeskus), а также гуманитарная секция и консульский отдел при Особом комитете.

Другой русской общественной организацией, успешно действовавшей в годы мировой войны, был Земгор (Союз земств и городов). В основном он оказывал помощь мирным жителям за линией фронта и занимался их эвакуацией из районов боевых действий. После 1918 г. Земгор был восстановлен. Его штаб-квартира находилась в Париже, а отделения — в Праге и других центрах с большой концентрацией русских беженцев и эмигрантов. В новых условиях эта организация, помимо традиционной деятельности, связанной с координацией действий в области образования и здравоохранения, стала выполнять многочисленные не присущие ей прежде функции. Например, она занималась созданием посреднических бюро по трудоустройству (Финляндия), продажей продукции, произведенной эмигрантами (магазины в Лондоне и Париже), выделяла помощь беженцам, платила стипендии учащимся, обучавшимся в европейских высших учебных заведениях (преимущественно через Ассоциацию помощи русским студентам-эмигрантам), поддерживала приюты, школы, занималась издательской деятельностью (например, в Таллинне и Гельсингфорсе). Формирование ее фондов происходило главным образом из средств русских посольств за рубежом, которые распределялись по решению Совещания русских послов. Эта последняя организация находилась в Париже. Ее возглавлял уже упоминавшийся выше В.А. Маклаков. Земгор оказывал неотложную помощь людям, временно сосредоточившимся в Стамбуле и на границах Российской Федерации. В более позднее время он регулярно помогал клиникам, санаториям, домам для престарелых, содействовал устройству детей эмигрантов в русские школы за границей. Известно, что Комитет помощи русскому ребенку выделил Земгору дополнительные средства, полученные от частных жертвователей из Америки и от проведения различных благотворительных мероприятий. Эта организация обеспечивала детей беженцев не только пищей и необходимой медицинской помощью, но также успешно занималась вопросами их образования и попечения. Многие эмигранты стремились помочь Земгору в этих начинаниях не только материально, но и личным участием. Педагогической деятельностью стали заниматься А.В. Жекулина, графиня С.В. Панина, В.В. Зеньковский. Несмотря на то, что нам известны многочисленные факты существования различных образовательных учреждений в эмиграции, тем не менее, наиболее достоверные статистические данные относятся к учебным заведениям, находившимся под эгидой Земгора, или хотя бы частично им субсидированным. Например, в 1924 г. в ведении Земгора за рубежом насчитывалось 90 школ, в которых обучалось примерно 8835 приходящих учеников и 4954 — находившихся на полном пансионе⁸. По мнению такого авторитетного исследователя эмиграции, как М. Раев, приведенные цифры указывают на то, что в этот период примерно 20 процентов детей, находившихся в эмиграции, обучалось в учебных заведениях, существовавших под эгидой Земгора⁹.

Ветераны мировой и гражданской войн создавали свои собственные организации. Их первоначальной целью было сохранение единства бывших воинских формирований. Так, например, генерал Врангель основал для прикрытия своих планов Российский общевоинский союз, с помощью которого рассчитывал поддерживать связь со своими бывшими формированиями в случае возобновления

вооруженной борьбы с большевиками. Деятельность этого союза имела преимущественно политический характер, однако он, как и другие организации ветеранов, например, Союз морских офицеров (Финляндия), различные гвардейские и полковые объединения, возникшие в местах компактного проживания бывших солдат и офицеров белых армий, собирал членские взносы, основывал фонды, проводил благотворительные мероприятия и принимал пожертвования от состоятельных представителей русской диаспоры. Все эти организации помогали частным лицам, предоставляя помощь наличными деньгами, а также содействовали организации больниц, домов для ветеранов, сиротских приютов и школ.

Зарубежный союз русских военных инвалидов объединял примерно десять тысяч инвалидов Первой мировой и гражданской войн. Этот Союз впервые был сформирован в Константинополе, а затем подобные объединения возникли в Болгарии, Бельгии, Германии, Греции, Польше, Чехословакии, Югославии, Франции. На их основе в 1926 г. в Париже возник Комитет для русского инвалида, который возглавляли генералы: Н.Н. Баратов, Н.М. Кальницкий и С.Д. Позднышев¹⁰.

Общественные организации объединяли эмигрантов также по профессиональным интересам. Постепенно складывались профессиональные ассоциации и общества, объединявшие врачей, писателей, художников, журналистов, адвокатов, инженеров, купцов, бывших дворцовых слуг, таксистов и т. д., помогавшие своим остро нуждающимся членам, оказывавшие поддержку в решении правовых и практических проблем, возникавших в связи с неопределенным юридическим статусом в эмиграции. Сходный характер носили организации типа клубов и объединений выпускников и преподавателей различных учебных заведений, как, например, Общество выпускниц Смольного института или Русская секция Международной федерации женщин-выпускниц университетов, Союз бывших учащихся Александровского лицея¹¹ и др., оказывавшие своим выпускникам не только моральную, но и юридическую поддержку, например, в признании полученных дипломов об образовании.

К сожалению, многие организации, созданные эмигрантами, преследовали частные цели, часто не располагали достаточными средствами для осуществления своей деятельности, а некоторые, скорее всего, существовали только на бумаге. Среди организаций, имевших реальное влияние, можно назвать два образовавшихся в Германии союза — Российских торгово-промышленных и финансовых деятелей (около 350 человек) и Русской присяжной адвокатуры. Несмотря на то, что все организации были созданы русскими эмигрантами, часто основной источник поступления их средств — нерусский. Например, Особый комитет (Финляндия) в начале своего существования получил единовременное пособие от финского правительства¹². Поскольку последнее в дальнейшем отказалось поддерживать его деятельность, то Особый комитет вынужден был прибегнуть даже к банковским займам, использовать государственные средства Российской империи, поступавшие в Финляндию из Парижа (о Совещании послов см. выше). Определенную помощь Особому комитету оказывали также «русские американцы»¹³. Эмигрантам приходилось прилагать недюжинные силы, организационные способности, смекалку для изыскания средств для помощи собратьям по несчастью.

Создание благотворительных фондов — довольно распространенная в до-революционном русском обществе форма помощи нуждающимся. В эмиграции

традиция организации подобных фондов была возрождена. Например, в Нью-Йорке возник Литературный фонд, прообразом которого, несомненно, являлся Литературный фонд (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым), основанный в 1859 г. в Петербурге А.В. Дружининым, И.С. Тургеневым и Е.П. Ковалевским. Основные его средства поступали через пожертвования частных лиц, а также от организации различных благотворительных мероприятий, например, концертов, и направлялись нуждающимся ученым, писателям, журналистам¹⁴.

Несколько иными были функции Кулаевского фонда, учрежденного в 1930 г. в Сан-Франциско. Видный сибирский общественный деятель и филантроп И.В. Кулаев часть своих личных средств направил на ассигнование образовательных нужд молодых эмигрантов, издание книг, а также учредил стипендии Образовательного фонда, которые были предназначены для русских эмигрантов, готовящихся к преподаванию русского языка в США и для поддержки зарубежных русских культурных учреждений.

В начале 1939 г. в Нью-Йорке по инициативе А.Л. Толстой, Б.А. Бахметьева, Т.А. Шауфус, С.В. Паниной, Б.В. Сергеевского, С.В. Рахманинова и М.И. Ростовцева был основан Толстовский фонд, который к 1954 г. уже имел 17 заокеанских отделений. Идея учредителей фонда заключалась в том, чтобы, приобретя ферму, дать кров русским, прибывающим в Америку. Такая ферма была вскоре приобретена фондом за один символический доллар. В дальнейшем она стала выполнять функции детского дома, дома для престарелых соотечественников, а в летнее время превращалась в детский лагерь. Одновременно с этой, несомненно, благородной миссией, Толстовский фонд преследовал и другие цели — охранение русского языка, русской культуры, православной веры, русских традиций.

Однако особое значение фонд приобрел после Второй мировой войны, когда начал заниматься спасением русских от репатриации. Отчасти благодаря деятельности фонда в США в 1948 г. был принят «Закон о перемещенных лицах», по которому Америка до 1 января 1952 г. должна была принять 205 тысяч беженцев из Европы. В 1948 г. Толстовский фонд заключил соглашение с Church World Service и Госдепартаментом США о совместных действиях по освобождению русских из лагерей «ди-пи» (displaced persons — перемещенных лиц) и перевозу их в США, тем самым исключив возможность их насильственной репатриации в СССР¹⁵. Активную помощь Толстовскому фонду оказывали не только эмигрантские организации — Русская академическая группа в США, Русское инженерное общество в США и др., но также частные лица: американцы и русские эмигранты.

Независимо от прежних политических и общественных идеалов, эмигранты, оказавшись вдали от родины, лишились стабильных основ и смысла жизни. Общественные и социальные потрясения начала XX в. разрушили те моральные ценности, которые сплывали русское общество. Поэтому для эмигрантов возрождение веры являлось источником утешения и внутренней силы, необходимой для того, чтобы пережить тяготы изгнания. Для большинства из них вера ассоциировалась с православием. Естественно, что это должно было превратить церковь в новый центр общественной жизни, побудить ее искать иные, чем прежде, формы организации церковной жизни, несмотря на то, что ее недавнее прошлое было не слишком благоприятным наследием для проведения активной

церковной политики за рубежом. В глазах значительной части представителей Русского зарубежья престиж церкви как одного из общественных институтов был серьезно подорван тесной связью государства и церкви. Таким образом, в представлении многих эмигрантов-интеллектуалов церковь не имела того влияния, которым должна была бы обладать. Кроме того, первые годы XX в. стали, с одной стороны, временем своеобразного отчуждения известной части русского общества от церкви, что проявилось, помимо всего прочего, в возрождении интереса к метафизике, мистике, идеализму, типичным для эпохи Серебряного века, а с другой — временем установления связи между религиозной мыслью и наукой. Последнее тоже можно отнести к одной из характерных черт Серебряного века.

Свою роль в формировании отношения эмигрантов к церкви сыграл и ее раскол после 1917 г., породивший множество конфликтов по поводу права собственности отдельных приходов. До революции за границей существовало лишь несколько русских приходов, находившихся при посольствах России в крупнейших государствах мира, а также при некоторых монарших дворах Европы.

Однако справедливо было бы отметить, что раскол не породил проблем на уровне приходов, за исключением тех случаев, а их было немного, когда, например, возникали разногласия во взглядах священника и паствы.

Храня верность своей традиции милосердия, церковь в изгнании стремилась оказывать содействие бедным и слабым. Однако Русская православная церковь не обладала большим опытом организации широкомасштабной благотворительной помощи. В дореволюционной России такая работа была сконцентрирована в основном в монастырях. Церковная благотворительность осуществлялась лишь отдельными приходами или представителями духовенства. Поэтому в эмиграции церковь оказалась неподготовленной к благотворительной миссии в широком международном масштабе.

Традиционно русская церковь состояла из небольших приходов. Отсюда их огромное число в Российской империи. Эта черта была характерна и для Русского зарубежья, так как обычно эмигранты селились в чужом окружении небольшими разобщенными друг от друга группами. Если учесть все вышеприведенные обстоятельства, а также демографические факторы, о которых говорилось в самом начале статьи, то становится понятно, почему часто эмигрантские приходы были небольшими, недолговечными и ютились в небольших помещениях. Только приходы, образованные при центральных храмах в европейских столицах, объединяли большое количество прихожан, а их филантропическая деятельность носила более широкий характер.

Церковные приходы — часть Русского зарубежья. Совместными усилиями различных приходов велась в основном духовно-воспитательная и учебная работа, издательская и библиотечная деятельность, устраивались кружки, хоры, духовные собрания. Много добровольного общественного труда вкладывали и сами прихожане, проводя различные благотворительные мероприятия — базары, лотереи, концерты духовной музыки и песнопений, сборы от которых шли в пользу приходов, домов для престарелых и т. п., а церковь и духовенство принимали участие в организации домов для престарелых, лечебниц, приютов для сирот.

Добровольные объединения мирян стремились содействовать бедным и нуждающимся, оказывая им не только материальную, но также духовную и психологическую поддержку. Примером такой организации является «Право-

славное дело» (Франция), одной из ведущих фигур которого была Елизавета Скобцова (мать Мария). Она организовала столовые для русских эмигрантов, оставшихся в Париже без работы, основывала приюты для бедных, наладила сотрудничество с представителями интеллектуальной элиты Русского зарубежья (К. Мочульским, И. Фондаминским и др.). Последнее привело к возвращению в лоно церкви части эмигрантской интеллигенции и, таким образом, способствовало относительному сплочению «общества в изгнании».

Активная деятельность ИМКА, направленная на оказание помощи русским беженцам и эмигрантам, породила у последних интерес к этой организации и стремление инициировать аналогичное движение русской молодежи — Русское студенческое христианское движение (РСХД). Для его возникновения было множество непосредственных импульсов. С одной стороны — довольно многочисленное русское студенчество, учеба которого была прервана мировой и гражданской войнами, революциями, а с другой стороны — Европа, разоренная войной, которая не могла предоставить им ни дешевого питания и жизни, ни возможности завершить свое образование.

Поэтому молодежь, объединенная лишь общим прошлым, но не настоящим, в поисках вдохновляющих идей обратилась к общей религиозной традиции. Главная задача РСХД — установление «плодотворной связи» между жизнью души, ума и тела, что необходимо не только для преодоления текущих проблем, но и для подготовки к более серьезной роли, которая, как они полагали, им была уготована — к восстановлению духовных, социальных и политических основ России. Повседневное мирское существование должно быть пронизано православными ценностями. Цель, сформулированная подобным образом, предполагала тесное сотрудничество с Русской православной церковью. Основу этого движения составляли молодежные кружки, число которых стремительно разрасталось в Западной Европе. Они проводили сборы средств в пользу нуждавшихся, встречи, дискуссии, конференции, занимались просветительской и издательской деятельностью.

Весьма своеобразной формой объединения эмигрантов являлись братства, основанные по принципу известных в России в XIX в. аналогичных организаций, например, Приютинского братства. Такие братства — неформальные объединения мирян, преимущественно представителей интеллектуальной элиты, члены которых регулярно встречались для изучения и обсуждения научных и философских проблем, совместной молитвы, духовной взаимопомощи.

Религиозно мыслящая интеллигенция, оказавшись в эмиграции, стремилась к восстановлению старых связей, старых форм объединений, и братства не являлись исключением. К сожалению, они, будучи инициативой частных лиц, очень плохо отражены в источниках. Именно так обстоит дело с братством Св. Софии, которое напрямую было связано с дореволюционным Приютинским братством. Оно представляло собой организацию, которая отдаленно напоминала масонскую ложу. По мере необходимости члены братства получали помощь друг от друга, которая выражалась в предоставлении работы или возможности публикации, что было крайне важно для эмигрантов-интеллектуалов. Примерно такую же роль играло и Свободное религиозное и философское общество в Берлине во главе с Н.А. Бердяевым, высланным из России в 1922 г.

Говоря о русских религиозных организациях, нельзя не отметить серьезного влияния протестантизма на русских эмигрантов, оказавшихся в традицион-

протестантских странах, как, например, США и Германия. Подтверждением этого тезиса может служить деятельность ИМКА и Всемирной христианской студенческой федерации, ставших образцами для подражания для нарождавшихся общественных организаций и движений русской эмиграции.

Приведенный выше перечень различных организаций беженцев и эмигрантов ни в коей мере не является исчерпывающим. Впрочем, мы и не претендовали на полноту охвата и составление полного списка всех благотворительных организаций, созданных, по меткому выражению М. Раева, в «зарубежной России». Во-первых, подобные попытки охарактеризовать благотворительность в эмиграции предпринимались и некоторыми нашими предшественниками, в том числе и зарубежными¹⁶, а, во-вторых, задача, которую мы перед собой ставили, заключалась в другом — выявлении неких закономерностей в возникновении и функционировании подобных организаций и проведении их типологического разделения в соответствии с определенными параметрами. Последнее позволило бы создать более общее представление о схеме действия подобных организаций, что должно, по нашему мнению, существенно упростить дальнейшее изучение истории русской благотворительности за рубежом.

Для начала попытаемся определить *статус* благотворительных организаций в Русском зарубежье. Как мы видели, среди учреждений, занимавшихся обустройством различных сторон жизни русских беженцев и эмигрантов, выделяются, в первую очередь, *международные организации*, в том числе их русские отделения, как, например, Русский Красный Крест, получавший финансирование из различных международных источников. В задачи этих организаций входило обеспечение необходимой правовой поддержки беженцам и эмигрантам, предоставление материальной помощи небольшими денежными субсидиями для их обустройства в стране предполагаемого постоянного проживания и т. п. Помимо этого существовали *государственные благотворительные организации* (в США, Франции, Финляндии и некоторых других странах), учрежденные или финансируемые правительствами соответствующих стран. Деятельность подобных организаций была направлена на улучшение положения многочисленной русской диаспоры. Кроме того, можно также выделить специальные *акции*, в ходе которых реализовывались уже указанные цели, как, например, известная «русская акция» правительства Чехословацкой Республики.

Наряду с международными благотворительными организациями постепенно возникали также *благотворительные общества, создаваемые самими эмигрантами*. Источник их средств — самофинансирование, т. е. объединявшиеся в благотворительное общество лица вносили деньги в виде взносов или добровольных пожертвований в пользу нуждавшихся. Значительная часть представителей эмиграции была лишена каких бы то ни было средств к существованию, поэтому вклад таких участников благотворительных обществ определялся не размером денежного взноса, а личным участием в устраиваемых мероприятиях (благотворительных балах, концертах, спектаклях, выставках, базарах, распродажах и т. п.).

Необходимо отметить, что международные благотворительные организации и соответствующие учреждения, фонды и т. п., а также организации, созданные или финансируемые иностранными государствами, как, например, действовавший в Германии фонд содействия русским писателям и ученым (Amerikanischer

Hilfsfond für russische Schriftsteller und Gelehrte) имели ограниченный по спектру действия и во времени характер. Как правило, срок функционирования таких благотворительных учреждений часто зависел от внешней и внутренней политической конъюнктуры. В противовес им общества, созданные эмигрантами, почти всегда существовали долго, носили преимущественно ностальгический характер, мысленно возвращали их на утраченную родину. Вспомним, например, факт возрождения в «зарубежной России» Земгора, Литературного фонда и некоторых других благотворительных организаций, сформировавшихся еще в дореволюционной России. Вероятно, об этом же свидетельствует стремление эмигрантов вести привычную для многих из них светскую жизнь, что нашло отражение в устройстве многочисленных благотворительных концертов, званых вечеров, балов, постановке любительских театральных спектаклей и т. п. Во всем этом без труда можно усмотреть некоторую беспомощность, внутренние психологические противоречия. Ведь многие участники благотворительных мероприятий и других подобных акций часто сами нуждались не только в моральной, но и в материальной поддержке, существовали почти исключительно благодаря заграничной помощи, продаже имущества, чудом вывезенного некоторыми из них из России, перебивались случайными заработками, не соответствовавшими ни их социальному, ни профессиональному уровню.

К обществам-долгожителям следует отнести те, которые выполняли определенный «социальный заказ». Например, первоначальная цель Русского благотворительного общества в Финляндии, утвержденного Сенатом еще в 1871 г., определялась как стремление дать «детям недостаточных родителей, живущих в Финляндии, средства для приобретения образования в русских учебных заведениях», а в дальнейшем оно открыло русский приют для детей и дом для престарелых, которые стали особенно востребованными после завершения Первой мировой войны и начала эмиграции из России¹⁷.

Наиболее значимые благотворительные организации, как международные, так и образованные самими эмигрантами, имели свои отделения во всех городах, где осели временно или проживали постоянно более или менее многочисленные группы русского населения, вынужденного по тем или иным мотивам покинуть родину.

Совершенно отчетливо прослеживаются различия в *способах финансирования* благотворительных организаций. Все общественные и благотворительные организации (ассоциации, союзы, товарищества, общества, фонды и т. п.), основанные в Русском зарубежье, можно разделить на *частные*, существовавшие за счет крупных индивидуальных денежных пожертвований отдельных лиц, как это нам хорошо известно по истории Кулаевского и Толстовского фондов и некоторых других организаций, и *общественные*, финансируемые группами заинтересованных частных лиц.

Пожалуй, самыми многочисленными были *общественные организации, объединявшие эмигрантов по социальным, профессиональным и конфессиональным признакам*. Среди них выделяются различные *общества и союзы*, образованные военными, а также *организации, сплотившие вокруг себя представителей гражданской части русской диаспоры*. Последние можно условно разделить на *светские и религиозные*. Среди первых существовали как *объединения людей по принципу их прошлой социальной или профессиональной принадлежности* (общества купцов,

общества военных и т. д.), так и *союзы, ассоциации, являвшие собой подобия неких профессиональных союзов лиц, объединенных текущими общими интересами.*

Особое место среди различных эмигрантских организаций принадлежит *культурно-просветительским*, содержавшим на свои средства школы, приюты, пансионы, дома для престарелых. Справедливости ради следует отметить, что организацией и финансированием учебных заведений занимались не только общества, которые декларировали подобный характер деятельности, но и многие другие, в том числе частные организации и фонды.

Ученые из России, попадая на Запад — в Европу и Америку, или в Харбин, обычно стремились реализовать две наиболее значимые для себя задачи: преподавать, т. е. учить молодое поколение, готовить себе смену, и продолжать собственную научную карьеру. Поэтому уже в первые годы существования Русского зарубежья в Англии по инициативе медиевиста, профессора Оксфордского университета сэра Павла Виноградова был создан комитет, членами которого стали английские жертвователи и ученые-эмигранты, основавший фонд помощи ученым-беженцам. Деятельность комитета в Англии позволила воскресить научную жизнь в «зарубежной России», а сама инициатива была подхвачена в Париже и Берлине, где с помощью ИМКА и пожертвований-«кредитов» германских университетов ученые-эмигранты основали Русскую Академическую группу. Академический союз (Akateeminen liitto) был основан и в Финляндии. Однако справедливо будет отметить, что многие русские ученые обосновались в Европе еще до Первой мировой войны и находились в тесных личных и научных контактах с европейскими деятелями науки. Поэтому научная общественность Европы, в частности, французская, немецкая и британская с пониманием относилась ко многим начинаниям своих русских коллег и поддерживала их.

Благодаря деятельности русских ученых в «зарубежной России», в Берлине был создан Русский институт, в рамках которого бывшим солдатам и офицерам белых армий для завершения их образования, прерванного войной, читались курсы лекций, а свидетельства об окончании признавались при поступлении в немецкие учебные заведения. Помогла многим ученым-эмигрантам, находившимся в то время в Берлине, продолжить свои научные занятия и Свободная духовная и религиозная академия совместно с Русской академической группой.

Примерно так же обстояли дела и в Чехословакии. В ходе уже упоминавшейся выше «русской акции» силами русских ученых и на средства чехословацкого правительства был основан Русский университет в Праге и оказана финансовая помощь уже существовавшему Seminarium Kondakovianum (Кондаковскому семинару), объединявшему в основном специалистов по истории искусства и медиевистов, и Экономическому кабинету С. Прокоповича. Последний, занимаясь анализом экономической ситуации в Советской России, помимо денег, выделенных правительством Чехословакии, выполнял исследовательские работы и, соответственно, получал финансирование от различных европейских и американских учреждений, в том числе и от Фонда Карнеги (США).

В 1919 г. в Париже Эрнест Дени основал Институт славянских исследований, который затем был официально признан французским правительством. Этот Институт тоже стал местом работы многих ученых-эмигрантов, которые вели здесь свои курсы. Кроме того, в Париже, как и в Праге, существовал Свободный, или Народный университет, где ученые-эмигранты могли выносить на суд

общественности результаты своих научных штудий, а также Свято-Сергиевский богословский институт и семинария.

В первые годы формирования «зарубежной России» Белград, София и Рига почти ничем не отличались от Берлина и Парижа. В сфере науки и образования здесь в основном прослеживались те же тенденции, что и в других крупных центрах сосредоточения русских беженцев и эмигрантов. Несмотря на всю свою географическую изолированность, не остался в стороне от общих тенденций развития, наблюдавшихся в «зарубежной России», и Харбин, где при поддержке ИМКА возникло три очень влиятельных на Дальнем Востоке высших учебных заведения — Коммерческий институт, Технологический институт и Юридический факультет.

Несмотря на многочисленные различия, имевшиеся между всеми вышеназванными учебными заведениями, их объединяет одно — они все были *независимыми полублаготворительными организациями*.

Для исследовательской работы (в основном по гуманитарным наукам) и учебы необходимы были соответствующие библиотеки. До 1939 г. в Европе и Америке библиотечные коллекции, которые могли бы удовлетворить русских ученых и студентов, были немногочисленны. В Европе такими «русскими» библиотечными центрами были Лондон (Библиотека Британского музея), Париж (Национальная библиотека), Хельсинки (Библиотека Хельсинкского университета), Берлин и Мюнхен (Прусская и Баварская библиотеки), а в США — Вашингтон (Библиотека Конгресса), Бостон (Вайднеровская библиотека Гарвардского университета), Сан-Франциско (Библиотека Гуверовского института) и Нью-Йорк (Библиотека Колумбийского университета и Публичная библиотека). Однако за редким исключением крупные центры сосредоточения русских беженцев и эмигрантов находились вдали от больших городов с их возможностями. Помимо этого для эмигрантов существовали и другие препятствия в возможности пользования библиотеками.

Для того чтобы решить одну из главнейших задач, стоявших перед эмигрантскими организациями, — дать образование молодежи и способствовать сохранению интеллектуального потенциала, необходимо было создавать свои библиотечные коллекции и общедоступные библиотеки.

Конечно, отдельные шаги по созданию русских библиотек в Европе предпринимались еще задолго до начала массовой эмиграции из России. В Париже в 1875 г. по инициативе И.С. Тургенева была основана библиотека для русских эмигрантов, оказавшихся во Франции по различным мотивам — политическим, творческим, личным. Тургеневской библиотекой традиционно руководил комитет, который избирался из числа читателей, сотрудники ее работали на общественных началах, а книги выдавались на дом за символическую плату. Новые книги библиотека получала в дар или приобретала на небольшие средства, имевшиеся в ее распоряжении (в основном пожертвования читателей и деньги, полученные за пользование книгами из собрания). В начале XX в. русские библиотеки стали появляться и в других европейских городах. Именно Тургеневская библиотека, а также библиотеки и читальные залы политических эмигрантов начала прошлого столетия стали прообразами многих эмигрантских библиотек и читален, возникших позже, уже в 1920–1930-х гг. Например, в Хельсинки Купеческое общество основало библиотеку, которая в 1988 г. отпраздновала свое

70-летие¹⁸. В Праге в рамках «русской акции» была основана библиотека, собиравшая как опубликованные материалы по истории русской революции, так и неопубликованные, в том числе и те, которые показали бы, как она отразилась на судьбах русской интеллигенции. В дальнейшем, как известно, это собрание превратилось в Русский заграничный исторический архив и библиотеку.

Конечно, приведенное выше членение различных эмигрантских организаций, фондов, обществ и т. п. может показаться спорным, так как мы рассмотрели не только те, которые традиционно принято считать благотворительными, но и те, которые никогда официально себя благотворительными не объявляли.

Как мы могли убедиться, в период между двумя мировыми войнами во всех крупных центрах русской диаспоры в Европе, США, на Дальнем Востоке возникли различные общественные и полублагодетельные, политические и благотворительные организации, одни из которых — попытка возрождения в новых условиях существовавших прежде, в старой России, организаций и политических объединений, другие — новые, появившиеся в ответ на злободневные проблемы, которые ставила перед эмигрантами действительность. Особенностью различных организаций, возникших в эмиграции, является то, что все они были объединениями людей, одинаково чуждых той среде, в которой оказались. Независимо от того, какие виды деятельности декларировались разнообразными эмигрантскими объединениями в качестве основных, в силу большой политической изоляции эмигрантов, из-за суровых бытовых и материальных условий существования основным видом деятельности всех организаций изначально являлось или впоследствии становилось добывание различными способами денег и их распределение среди нуждавшихся. Главный атрибут любого объединения: политического, профессионального, религиозного и т. п. — касса взаимопомощи, а благотворительные мероприятия — балы и концерты, лотереи и базары и проч. — обязательные пункты в программе их действий. Как мы могли видеть из вышеприведенных фактов, почти всегда личная инициатива и частные средства являлись основным двигателем деятельности подобных организаций. Именно поэтому любая попытка дальнейшего более или менее дробного деления существовавших в Русском зарубежье различного рода объединений на категории, типы и т. д. неизбежно будет обречена на вынужденное описание видов деятельности и истории отдельных русских организаций, так как щедрость международных изысканий в основном еще в середине 20-х гг., в то время как пожертвования частных лиц продолжали сохранять свое значение на протяжении всей истории эмиграции.

Примечания

¹ *Williams R.C.* Culture in Exile — Russian Emigrés in Germany, 1881–1941. Ithaca; London; Cornell University Press, 1972; *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз С.* Русский Берлин 1921–1923. Париж: ИМКА-Пресс, 1983; *Johnston R.H.* New Mecca, New Babylon; Paris and the Russian Exiles, 1920–1945. Kingston; Montreal: McGill-Quin's Univ. Press, 1988; *Башмаков Н., Лейнонен М.* Из истории и быта русских в Финляндии 1917–1939 // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. VII. Helsinki, 1990; *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland 1917–1939. A Local and Oral History // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. XVIII. Helsinki, 2001; и др.

- 2 *Raeff M.* Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration 1919–1939. New York; Oxford University Press, 1990. *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Изд-во «Прогресс-Академия», 1994.
- 3 *Simpson J.H.* The Refugee Problem. Report of a Survey. London; New York; Toronto; Oxford University Press, 1939. По данным, опубликованным Лигой Наций в 1926 г., после событий 1917 г. из России выехало примерно полтора миллиона человек, которые расселились по странам Европы, Ближнего и Дальнего Востока, в Африке и Америке. По различным подсчетам, в период с 1920 по 1925 г. численность Русского зарубежья насчитывала около десяти миллионов человек.
- 4 *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа Русского зарубежья за полвека (1920–1970) // Collection Études Russes. V. III. Librairie des Cinq Continents. Paris, 1971. P. 223.
- 5 См. подробнее *Кононова М.* Деятельность дипломатов царского и Временного правительства в эмиграции в 1917–1939 гг. // Международная жизнь. 2001. № 9–10. С. 71–83.
- 6 Там же. P. 223–224; *Башмакофф Н., Лейнонен М.* Из истории и быта русских в Финляндии 1917–1939. P. 40–41; *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland 1917–1939. A Local and Oral History. P. 132–136.
- 7 Материалы о деятельности различных организаций, например, в Нью-Йорке, в 1918–1919 гг. сосредоточены в State Archives and Records Administration (Albany, New York, USA). Records of the Joint Legislative Committee to Investigate Seditious Activities. The Lusk Committee Papers (L0030, L0032, L0033, L0035).
- 8 *Simpson J.H.* The Refugee Problem. Report of a Survey. P. 101; а также: Дети эмиграции / Ред. В.В. Зеньковский. Прага: Педагогическое бюро по делам средней и низшей школы за границей, 1925. С. 249–250.
- 9 *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. С. 67.
- 10 *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа Русского зарубежья за полвека (1920–1970). С. 225.
- 11 См., например: Русский альманах-справочник / Ред. В.А. Оболенский, Б.М. Сарач. Париж, 1931. С. 241–257.
- 12 *Kopteff G.* Venäläisten emigranttien järjestytoiminta Suomessa 1917–1945. Suomen ja Skandinavian historian pro gradu tutkielma. Helsingin yliopisto. Helsinki, 1983; *Башмакофф Н., Лейнонен М.* Из истории и быта русских в Финляндии 1917–1939. С. 40; *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland 1917–1939. A Local and Oral History. P. 134–138.
- 13 *Еленевская И.* Воспоминания. Стокгольм, 1968.
- 14 *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа Русского зарубежья за полвека (1920–1970). С. 227.
- 15 *Ульянкина Т.И.* Роль Толстовского фонда (США) в спасении русских ученых-эмигрантов от репатриации в послевоенной Европе (1944–1952 гг.) // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2002 г. М.: Диполь-Т, 2002.
- 16 *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа Русского зарубежья за полвека (1920–1970); *Башмакофф Н., Лейнонен М.* Из истории и быта русских в Финляндии 1917–1939; *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland 1917–1939. A Local and Oral History.
- 17 См.: Сто лет Русскому благотворительному обществу в Финляндии. 1872–1972. Хельсинки, 1972. *Башмакофф Н., Лейнонен М.* Из истории и быта русских в Финляндии 1917–1939. С. 38–39; *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland 1917–1939. P. 132–160.
- 18 *Башмакофф Н., Лейнонен М.* Из истории и быта русских в Финляндии 1917–1939. С. 44.